

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
на диссертацию Марии Федоровны Мальцевой на тему:
«“Обрыв” И. А. Гончарова как метароман»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Бесспорная научная новизна и научная актуальность представленной к защите диссертации определяется прежде всего исследовательской концепцией и методологией ее автора, а именно рассмотрением «Обрыва» как явления метапрозы, *metafiction*, как романа, относящегося к жанровому типу «самосознающего» или «самопорождающего». В такого типа текстах художник, по словам цитируемой диссертанткой оксфордского профессора Патриции Во (P. Waugh) «исследует теорию литературы через практику ее написания» (с. 3). Сразу следует сказать, что специальная литература по теории метапрозы, а это более двух десятков работ как на русском, так и преимущественно на английском, французском и немецком языках, основательно исследована диссертанткой, благодаря чему работа приобрела не только серьезную теоретическую базу, но и соответствующий аналитический инструментарий. а поставленные задачи и цели предстали убедительно обоснованными. «Обрыв» как метароман исследуется в диссертации М. Ф. Мальцевой впервые. Новый подход и новый взгляд создают широкое пространство для постижения и описания его сложной структуры, раскрывают, по убеждению автора, семантический потенциал романа. Диссертантку отличает увлеченность первооткрывателя, приносящая несомненные и значительные результаты, однако в ряде случаев увлеченности может сопутствовать и известная «энергия заблуждения».

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка литературы. Она выстроена логично, материал изложен профессиональным и вместе с тем свободным и выразительным литературным языком. Однако нельзя сказать, что все части работы имеют равную научную ценность.

Значительный интерес представляет вводная часть, обобщающая серьезный теоретико-методологический материал: здесь изложена история изучения явлений метаискусства (не только в литературе, но и в живописи, музыке, кинематографе) с момента оформления данного научного направления в 60–70-х годах XX века, обозначены проблемные и дискуссионные узлы, выделены основные концептуальные подходы (Луи Ельмслев, Уильям Гэсс, Роберт Алтер, Роберт Скоулз, Ингер Кристенсен, Рудигер Имхоф, Стивен Келлман, Патриция Во, Линда Хатчин). Считаю необходимым назвать эти имена ученых как показатель степени репрезентации специальной литературы в работе М. Ф. Мальцевой. Среди отечественных исследователей метапрозы диссертантка ориентируется на работы В. Б. Зусевой-Озкан и М. Н. Липовецкого, принимая в целом их концепции, но и полемизируя с ними. «Обрыв», с ее точки зрения, обладает основными критериями метаромана, каковыми являются: тематизация процесса творчества и обнажение приема; обретение автором-творцом текстового двойника в лице персонажа-писателя; наличие «текста в тексте», «*mise en abyme*», зеркальность повествования; ослабление миметических мотивировок. Для «Обрыва», кроме того, по мнению диссертантки, характерно «размывание иерархии коммуникативных уровней» (с. 13).

Указанных исследователей интересовали главным образом литературные опыты XX века (Борхес, Беккет, Джон Барт, Набоков и др.), и диссертантка закономерно ставит вопрос о правомерности применения сложившегося метода изучения текстов эпохи модернизма и постмодернизма к литературным явлениям предшествующих эпох, отвечая на него так: «Контекст металитературы, который актуализирует в романе “Обрыв” особенности, мимо которых прошли его первые критики, представляется нам чрезвычайно плодотворным для изучения текста. Опыт интерпретатора, знакомого с более поздней литературой и описывающей ее теорией, в данном случае является не препятствием к постижению смысла романа, но условием для выстраивания с ним подлинно диалогических отношений» (с. 22).

Некоторые из названных выше структурных особенностей романа обращали на себя внимание как его первых критиков, так и позднейших исследователей. Автор работы внимательно прослеживает все этапы осмысления архитектоники романа и сюжетной роли Райского-писателя как авторского «зеркала», «двойника» или «соавтора», указывая на отмеченные исследователями сложные формы субъективации повествования в романе, комбинирование и переплетение в нем не только различных речевых, но и мировоззренческих структур и приходя к выводу, что особенности поэтики «Обрыва», характерные для метаромана, в их уникальном сочетании, ранее предметом научного описания не становились.

Первую главу «“Обрыв” и проблема романа» открывает вводный параграф, в котором «вкратце» изложен — от Средневековья к Новому времени (до Филдинга и Стерна) — генезис как жанрового определения «роман», так и романного жанра как такового. Необходимость для решения поставленных в диссертации задач данного исторического экскурса, хотя и поданного в аспекте «самоосмысления» жанра, вызывает сомнения.

Ряд вопросов вызывает и второй параграф «Романные концепции автора и главного героя “Обрыва”». Эстетическая концепция Гончарова, считает М. Ф. Мальцева, опираясь на хрестоматийные гончароведческие работы, сформировалась в 1830—1840-х гг. на основе прослушанных им в Московском университете лекций Н. И. Надеждина, и несколько позднее — статей Белинского, чьи эстетические взгляды здесь также изложены «вкратце». К особенностям эстетики Гончарова, сформировавшейся в самом начале творческого пути и не менявшейся на протяжении десятилетий, как считает Мальцева, относятся: объективность, фантазия, «имеющая принципиальное значение», типизация, «основанная на совмещении анализа и синтеза» (с. 37), и наконец, юмор как «связующее звено между идеалом и действительностью, которое обеспечивало роману целостность» (с. 38). Хрестоматийностью научных концепций середины прошлого века веет и от рассуждений диссертантки о «сознательном и бессознательном» творчестве. Только их «диалектическое сочетание», подчеркивает она, «порождает эпическую мощь романа, делает его настоящей картиной жизни» (с. 45).

Признавая известную устойчивость и однотипность художественных приемов Гончарова, стоит отметить что для него как автора романа, опубликованного в 1869 году, могли быть актуальны и иные эстетические мотивировки, помимо эстетики Надеждина и Белинского. В частности, в научной литературе не раз звучала мысль, что романная структура «Обрыва» формировалась в полемике с тургеневским романом. И кроме того, едва ли указанные диссертанткой в этой части работы «признаки» исчерпывающе определяют специфику гончаровской романистики.

Центром и содержательным ядром работы, несомненно, является 2-я глава «Субъектная организация “Обрыва”», в которой выделены и подробно исследованы

несколько коммуникативных уровней и повествовательных инстанций в тексте романа, функции абстрактного автора, первичного и вторичного нарраторов.

В параграфе «Первичный нарратор», значительном по объему, представлен анализ функций повествователя, наделенного всеведением, но лишенного самопрезентации и отчетливого «языкового облика». Нарратор, по наблюдениям диссертантки, проявляет себя главным образом в персонализации речи персонажей и в последних частях «оркеструет идеологическое многоголосие романа» (с. 91).

Оригинальны и интересны небольшие по объему 4-й и 5-й параграфы «Райский как потенциальный первичный нарратор» и «Райский как вторичный нарратор», в которых центральный герой рассматривается как своеобразный соповествователь автора. Диссертанткой впервые, и это необходимо еще раз отметить, исследован материал упоминаемых в тексте разрозненных «записок» Райского и выделены 4 созданные им «программы» будущего романа, что позволило ей выявить соотношенность этих фрагментарных «записок» («эпизодов») с изменением творческих стратегий самого Гончарова и в итоге — с завершённым целым романом.

Содержателен и параграф «Адресат повествовательных инстанций», в котором анализируются рассуждения Райского о будущем читателе, что не должно быть характерно для романиста-дилетанта, каковым является герой романа. Между тем Райский предстает «воспринимающим» художественный текст и первым критиком материала, положенного в основу «Обрыва» (с. 117). Метарефлексия персонажа-писателя в «Обрыве», убеждает диссертантку, способствует созданию в романе эффекта «открытости для отклика рецепиента» (с. 122). Размышления о читателе-адресате романа наряду с анализом крайне негативной критической литературы о нем приводят ее к обоснованному и знаменательному выводу: «“Обрыв” не был прочитан большинством современников Гончарова как роман о романе и природе творчества <...>, его метаплан оказался незамеченным или недооцененным» (с. 122).

Проблему «непрочитанности» критикой метатекста в «Обрыве» и возникшую в связи с этим у автора потребность объяснения собственных «намерений, задач и идей» диссертантка рассматривает в параграфе «Коммуникативный провал и ответ автора». Задачей предпринятых Гончаровым попыток объяснения с читателями и критиками романа, сложившихся в итоге в статью «Лучше поздно, чем никогда» (1879), была, по мысли диссертантки, «не полемика в сфере социальных идей, но объяснение собственного художественного метода и эстетической концепции» (с. 129). Подобный вывод справедлив лишь отчасти. Очевидно, что не только эстетические, но и социально-исторические воззрения Гончарова получили в романе отчетливое воплощение. Метаплан в нем несомненно присутствует, но далеко не является доминирующим.

Репрезентацию эстетических воззрений Гончарова М. Ф. Мальцева видит и в очерке «Литературный вечер» (1880), который не является, на ее взгляд, метатекстом в узком смысле слова, однако в нем дискутируются проблемы романного жанра, реального и идеального читателя, восприятия и невосприятия эстетической функции произведения.

Третья глава «“Обрыв” как система зеркал», могла бы быть, на наш взгляд, более содержательно насыщенной. Здесь есть повторы (в частности, в рассуждениях о методе типизации). Рассматривая принцип *mise en abyme*, заключающийся в том, что внутрь изображения помещается его уменьшенное подобие, диссертантка, ведя речь об удвоении повествующего субъекта, возвращается в измененном ракурсе к уже звучавшему в предшествующей главе.

Интересен последний параграф главы «Зеркальность “эпизодических целых” и персонажей». Функцию зеркал к истории Веры, считает диссертантка, в романе

выполняют истории Беловодовой, Наташи, Марфиньки и, наконец, книжной Кунигунды, высвечивающие соответствующие ситуативные сходства и различия.

Стоило бы здесь сказать, на мой взгляд, о присутствии «зеркальности», разного рода фабульных и образных «симметризмов» во всех гончаровских текстах, в особенности в персонажной сфере, выстраиваемой, как правило, на антитетических (образ—противообраз) и дублетных (двойничество) конструкциях. Особенно очевидны и многочисленны они в «Обломове».

Научная состоятельность диссертационной работы М. Ф. Мальцевой не вызывает сомнений. Вместе с тем возникает и ряд замечаний, помимо уже прозвучавших, или, если угодно, пожеланий для дальнейших исследований.

В работе едва ли в достаточной степени представлен творческий контекст. Исследуя текст «Обрыва», автор оговаривает, что не касается двух первых гончаровских романов. Однако в общих суждениях о романной поэтике Гончарова тексты «Обыкновенной истории» и «Обломова» в той или иной степени могли бы быть привлечены. Крайне малочисленны и отсылки к эпистолярию Гончарова, тогда как письма писателя, в том числе и времени работы над «Обрывом», содержат обширный материал творческой авторефлексии, иллюстрируя процесс создания романа, авторские «задачи и намерения», сомнения в их осуществлении.

И с особой очевидностью из поля зрения диссертантки выпадает метатекст «Необыкновенной истории», целиком связанной с процессом создания «Обрыва», с осмыслением именно его романной природы и структуры (в полемике с «миниатюристом» Тургеневым, способным, на взгляд Гончарова, лишь к «эскизам», но не к эпическому творчеству).

В заключение отмечу, что работа, несмотря на высказанные замечания, имеет несомненную теоретическую и практическую значимость, внося вклад не только в исследование особенностей гончаровской романной поэтики, но и жанровой природы русского романа второй половины XIX века в целом.

Диссертация Марии Федоровны Мальцевой на тему: «“Обрыв” И. А. Гончарова как метароман» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Мария Федоровна Мальцева заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
Гродецкая Анна Глебовна

02.10.2023

